

11. Мирза -Ахмедова П. М. Национальная эпическая традиция в творчестве Ч. Айтматова. – Ташкент, 1980.
12. Шогенц укова И. А. Опыт онтологической поэтики. Э. По. Г. Мелвилл. Джон Гарднер. – М., 1995.

А.Н. Лещёва
Научный руководитель:
д. филол. н., профессор
Ю.В. Казарин

СЛОВАРЬ-ТЕЗАУРУС И СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВЕЩЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ИОСИФА БРОДСКОГО)

Поэтический текст расширяет языковую сочетаемость лексем, актуализирует заложенный в них потенциал и часто воссоздает внутреннюю форму. Текстовые смыслы формируются прежде всего за счет единиц вербального характера и обусловлены их вербальной семантикой. На лексическом уровне проявляются и невербально выраженные смыслы, репрезентирующие поэтическую картину мира, а также культурно-эстетические и духовные представления автора. Поэтический текст, как и художественный текст вообще, имеет лексико-смысловую структуру и формирует лексико-смысловое пространство в сознании автора и читателя. Вербальные, собственно языковые поэтические смыслы наиболее полно поддаются описанию и осознанию, а также включают в себя невербальные смыслы (графические и дискурсные) и формируемые ими пространства (визуально-смысловое, музыкально-интонационное, смысловое пространство культурно-эстетического и духовного характера). Таким образом, лексическое смысловое пространство поэтического текста – это система, объединяющая собственно языковое и неязыковое поэтические пространства, сформированная лексико-семантическими и лексико-тематическими парами, рядами, классами, группами слов, позволяющими выявить как глубинные, так и поверхностные смыслы поэтического текста. Наиболее эффективным методом описания лексико-смыслового пространства поэтического текста является составление словаря-тезауруса данного текста. «Словарь-тезаурус стихотворения – это лексико-смысловая система данного текста, структурными компонентами которой являются смыслотематические (тематические) группы, имеющие свои смыслотематические центры – идеологемы в качестве смысловых конденсаторов, обозначений и

выразителей культурных и духовных ценностей» [2:335]. Тематической группой вслед за З.Д. Поповой будем называть объединение слов, основанное на внеязыковых связях денотатов, состоящее из «единиц разных частей речи», объединенных «одной или несколькими общими семами» [6:33]. В связи с этим, кажется спорным утверждение, что в тематическую группу входят слова только одной и той же части речи [9]; по-видимому, такой взгляд обусловлен неразличением терминов «тематическая группа» и «лексико-семантическая группа».

При рассмотрении отдельных текстов неизбежен субъективизм в отборе материала, к тому же результаты анализа в таком случае не могут отразить всей совокупности признаков творчества конкретного автора: многие темы, образы переосмысливаются писателем с течением времени, ср., например, «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933) и «Стансы» (1935) О.Мандельштама. Мы считаем, что оптимальным способом целостного анализа творчества поэта является рассмотрение совокупности его поэтических текстов, метатекста. Также целесообразно использовать метатекст при рассмотрении таких содержательно-концептуальных центров всего поэтического мира И.Бродского, как *вещь, время, пространство, язык*. Методом сплошной выборки нами выявлено более 100 текстовых фрагментов, проанализировано 195 словоупотреблений лексемы «вещь».

Прежде чем перейти к анализу тематических групп, следует обозначить критерии отнесения материала к той или иной группе. Лексема «вещь», являясь полисемантической, а также родовым именем, в контексте может актуализировать несколько собственно ей приписываемых значений, и, кроме этого, значения тех имен, которые она может замещать, принимая на себя функции анафоры, дейксиса, эвфемизма; «вещь» может быть одним из компонентов перифраза и предложения сигнификативного тождества. В большинстве контекстов лексема «вещь» реализует свое основное значение 'всякий предмет, изделие бытового обихода, личного пользования, трудовой деятельности' наряду со значениями, относящимися к другим понятийным сферам. Рассмотрим несколько случаев:

В конце концов, темнота суть число волокон,
перестающих считаться с существованьем окон,
неспособных представить, насколько **вещь** окрепла
или ослепла от перспективы пепла
и в итоге – темнеет, верней – ровнеет, точней

– длиннеет.

В данном отрывке лексема «вещь» реализует значения 'материальный предмет' (ТГ-1) и 'человек' (ТГ-2), второе проявляется в антропоморфном переносе значения.

Вот оно – то, о чем я глаголю:
о превращении тела в голую
вещь!

Значение ‘смерть’ (ТГ–11) взаимодействует со значением вещи-интеллигибельной сущности, эйдоса (ТГ–3).

Только одной тебе
свойственно, **вещь** губя,
приравнивание к судьбе
сжигаемого – себя!

Лексема «вещь» входит в ТГ–14 ‘жизнь’ и в ТГ–1 ‘материальный предмет’, так как в стихотворении «Горение» сопоставлены два плана: сжигание дров и, по аналогии, – сжигание жизни (метафора огонь – чувства).

Пузырьки на стенках стакана похожи на слезы сыра.

Несомненно, прозрачной **вещи** присуща сила
тяготения вниз, как и плотной инертной массе.

В контексте реализовано значение ‘вещество’ (ТГ–5), а именно – жидкость (газированный напиток).

<...> Возможно, просто
у **вещей** быстрее, чем у людей,
пропало желание размножаться.

Случай антропоморфной метафоры, представлены группы со значением ‘материальный предмет’ (ТГ–1) и со значением ‘человек’ (ТГ–2).

Остановись, мгновенье, когда замирает рыба
в озерах, когда достает со вздохом из гардероба
природа мятую **вещь** и обводит оком
место побитое молью, со штопкой окон.

Реализованы значения ‘одежда’ (ТГ–7) и ‘время’ (ТГ–9), в стихотворении «Осень – хорошее время года» «вещь» – перифраз лексемы «осень».

Набери, дружок, этой **вещи** в горсть,
чтоб прикинуть, сколько до Бога верст.
Знать, не зря пейзаж весь январь молил –
и дошло! – насчет даровых белил.

Данное словоупотребление лексемы «вещь» относится к ТГ–5 ‘вещество’ (снег).

Видите ли, пейзаж есть прошлое в чистом виде,
лишившееся обладателя. Когда оно – просто цвет
вещи на расстоянии; ее ответ
на привычку пространства распоряжаться телом
по-своему.

Актуализируются значения материального предмета (ТГ-1) и времени (ТГ-9) – И. Бродский часто использовал эпитет «серый» по отношению ко времени, помимо этого значение времени выводится из противопоставления эксплицитно –выраженной лексеме «пространство».

Я писал, что в лампочке – ужас пола.
Что любовь, как акт, лишена глагола.
Что не знал Эвклид, что сходя на конус,
вещь обретает не ноль, но Хронос.

В контексте представлены следующие значения: ‘материальный предмет’ (ТГ-1), ‘эйдос’ (ТГ-3), а также значение, выражающееся с помощью табуированной лексики (ТГ-8).

<...> Я валяюсь в пустой, сырой,
желтой комнате, заливая в себя Бертани.
Эта вещь, согреваясь в моей гортани,
произносит в конце концов: “Закрой
окно”.

Актуализированы значения: ‘человек’ (ТГ-2), ‘вещество’ (ТГ-5) – жидкость (алкоголь), ‘язык’ (ТГ-6).

По смыслотематической соотнесенности, по сходству и смежности понятий, выражаемых лексемой «вещь», предметное пространство поэтических текстов И.Бродского может быть распределено по следующим тематическим группам (далее – ТГ):

ТГ- 1 лексики со значением ‘материальный предмет’ – 98 (числовой индекс).

ТГ-2 лексики, обозначающей человека – 48.

ТГ-3 лексики со значением ‘эйдос, вещь как идеальная сущность’ – 29.

ТГ-4 лексики со значением ‘явление действительности, факт, случай, нечто’ 14.

ТГ-5 лексики со значением ‘вещество’ – 11.

ТГ-6 лексики, обозначающей язык, а также письменные и вербальные формы его воплощения – 8.

ТГ-7 лексики со значением ‘одежда’ – 6.

ТГ-8 лексики, обозначающей части тела и физиологические выделения – 6.

ТГ-9 лексики со значением времени – 6.

ТГ-10 лексики со значением ‘пространство’ – 5.

ТГ-11 лексики, обозначающей смерть – 4.

ТГ–12 лексики со значением ‘сенсорное восприятие’ – 3.

ТГ–13 лексики со значением ‘предметы личного пользования кого-либо’ – 3.

ТГ–14 лексики со значением ‘жизнь’ – 3.

ТГ–15 лексики со значением ‘архитектура, скульптура, памятник’ – 2.

Анализ тематических групп показал, что помимо прямой номинации лексема «вещь» в поэзии И. Бродского часто используется в роли субститута, следствием чего являются: 1) дейктическая, анафорическая и перифрастическая функции данного имени в предложении; 2) образование категориального сдвига в семантике при употреблении лексемы «вещь» в переносном значении. Необходимо указать на особую природу такого рода метафор. Собственно, это не метафоры (или не-совсем метафоры, полуметафоры), если понимать под метафорой «смысловой сдвиг, основанный на ассоциации семантических / образных, в том числе референциальных представлений “по сходству” их компонентов» [3:111]. Относительно лексемы «вещь» трудно говорить о каком-либо «сходстве». «Вещь» – слово-кентавр, одной своей стороной уходящее в область «нечто, что-то», а другой – все же оперирующее к денотату, но всегда опосредованное гиперо-гипонимическими отношениями, Е.С. Кубрякова пишет об этом так: «Десемантизация существительных отнюдь не лишает их возможности выполнять свои номинативные функции: слова *вещь*, *штука*, *тип* и пр., лишаясь конкретно-индивидуального значения, приобретая местоименный характер, как бы расширяют зону референции и обретают способность выступать в качестве субститута предмета речи» [5:103]. Вне контекста лексема «вещь» указывает лишь на то, что нечто существует, имеет место в сознании человека, но не дает представления о форме этого, о его функции, состоянии, следовательно, – не дает оснований для определения «сходства». Для других абстрактных имен «сходство» можно обнаружить (*время* – *вода* – и то, и другое движется; *жизнь* – *игра* – компоненты объединены признаками ‘процесс, наличие правил’). Уникальность лексемы «вещь» заключается в ее опосредующей функции. Опосредование – принцип антропоморфной метафоры, для которой релевантным является признак одушевленности/ неодушевленности. Точнее, этот признак приписывается (вопреки привычной логике) тому или иному предмету, то есть приписывается «сходство», изначально заложенное лишь в значении одной из лексем: значение унифицируется или по признаку одушевленности, или по признаку неодушевленности. В творчестве И. Бродского антропоморфные переносы – один из основных видов метафоры. Характерной чертой его поэзии являются также реификации; все составляющие ТГ–2 со значением ‘человек’ воплощают в контекстах оба вида переноса значений. Все значения данной ТГ выводятся из контекста, прямые номинации отсутствуют.

Выявленные в ходе анализа тематические группы репрезентируют основные темы, категории, идеологемы поэтических текстов И.Бродского, как-то: статуарный миф, лингвоцентризм, экзистенциальная проблематика, дуализм вещи (конкретное и идеальное) – все многообразие творчества может быть извлечено из сочетаемости лексемы «вещь». Используя все значения данного слова, зафиксированные в словаре (ТГ–1, ТГ–4, ТГ–7, ТГ–13), поэт обогащает его семантику, предельно расширяя значение; с другой стороны, использование абстрактного имени в роли основного субъекта метафоры конкретизирует в большей или меньшей степени его семантику. Так, например, понятие эйдоса получает вполне доступную, но в то же время не упрощенную характеристику: *мысль о вещи*. Для представления целостной структуры значения лексемы «вещь» целесообразно использовать семантическое поле.

Смысловая структура метатекста И.Бродского имеет полевое (или – сферическое) строение. Структура поля задана по следующим критериям: частотность, значимость для конкретного носителя языка, семантическое расстояние от ядра поля, большее или меньшее проявление в семантике имени абстрактного начала (по шкале Л.О. Чернейко). Исходя из этого, будем считать именем поля семантему «вещь», а ядром – все лексико-семантические варианты лексемы «вещь», зафиксированные в словарях и не имеющие коннотаций, следовательно, в ядро поля входят ТГ–1, ТГ–4, ТГ–7, ТГ–13. Ближнюю периферию образуют ТГ–2, ТГ–3, ТГ–5, ТГ–8, ТГ–12 и предложения сигнификативного тождества, так как «поэтическая дефиниционная конструкция, выраженная предложением со значением тождества, является наиболее типичной для поэзии И.Бродского среди других синтаксических единиц (конструкций)» [4:371]. К ближней периферии мы относим также случаи употребления лексемы «вещь» в роли обобщающего слова, которое мы вслед за Д.Э. Розенталем понимаем как «родовое (общее) понятие, по отношению к которому однородные члены являются видовыми (частными) понятиями» [8:132] и случаи включения ее в состав фразеологических сочетаний. Остальные группировки слов (ТГ–6, ТГ–9, ТГ–11, ТГ–14, ТГ–15), коннотированные значения и фразеологические сочетания относятся к дальней периферии.

Именно компоненты периферии поля выявляют человеческий фактор в языке, то есть маркируют характерные черты И. Бродского как языковой личности, одним из проявлений которой становится предельное расширение значений, заложенных в языке. Так, употребление поэтом реификаций лишается присущих языковому узусу коннотаций, ср.: *Вещь // Разг.* О том, к кому относятся как к предмету своего развлечения, не считаясь с его собственными желаниями, интересами, потребностями и т.п. [Большой толковый словарь русского языка] и приобретает нейтральную

стилистическую окраску, например: «Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной // струн, продолжающая коричневеть в гостиной...» относится к любовной лирике (из цикла стихов, посвященных М.Б.). Особенности антропоморфных переносов с компонентом «вещь» были рассмотрены выше, заметим только, что данный прием стихах И. Бродского часто является движущей силой поэтического текста вплоть до становления «вещи» лирическим субъектом стихотворения.

Понятие *эйдос* еще более разнообразит семантику лексемы «вещь», придает ей диалогичность и выводит на совершенно иной уровень мышления, метафизический. Так воплощается когнитивная метафора, так поэзия становится нетривиальной. Отношения *вещь* – *вещество* другого рода, они основаны на логической операции включения, следовательно, более предсказуемы, помимо этого не исключено, что этимологически данные номинаты имели общую сферу значений (в словаре И.Срезневского одним из лексико-семантических вариантов лексемы «вещь» является значение *вещество*; еще одним довод в пользу общности значений – деривационная модель лексемы «вещественный», включающая в себя как компонент *вещь*, так и компонент *вещество*). Таким образом, авторская метафора лишь обновляет стершиеся языковые связи, что наряду со сходством звукокомплекса увеличивает ее яркость и точность понимания.

Для употребления табуированной лексики в стихах И.Бродский часто использует перифразы с лексемой «вещь», благодаря чему сохраняется нейтральный тон, значения лишены коннотации, но в то же время языковая энергия увеличивается из-за несоответствия формы и содержания высказывания: эмотивная составляющая интериоризирована в стилистически не маркированную конструкцию. За счет косвенной номинации значение лексемы «вещь» расширяется еще в одном направлении.

Включение лексики со значением сенсорного восприятия в ближнюю периферию поля обусловлено тесным взаимодействием с ТГ–2 ‘человек’ и минимально выраженным признаком абстрактности (по шкале Л.О. Чернейко) по сравнению со значениями лексем, входящих в тематические группы дальней периферии. Обозначая лексемой «вещь» сенсорное восприятие, автор не осуществляет метафорического переноса значения, но расширяет сферу употребления имени за счет его возможности быть субститутом других имен.

Предложения сигнификативного тождества и слова, выступающие в функции обобщения, реализуют в контекстах словарные значения лексемы «вещь», но в первом случае это значение (4 в «Большом толковом словаре Русского языка») стилистически маркировано и содержит положительную коннотацию, во втором – являясь анафорой, лексема «вещь» выполняет не

столько номинативную функцию, сколько функцию метатекста. Приведем несколько примеров:

...где ты [бабочка], как мысль о вещи,
мы – вещь сама?
(«Бабочка», 1972).

Время больше пространства. Пространство – вещь.
(«Колыбельная трескового мыса», 1975).

Но будущее – вещь из камня,
и это – ты [архитектура].
(«Архитектура», 1990-1991).

Ветер находит преграду во всех вещах:
в трубах, в деревьях, в движущемся человеке.
(«Темза в Челси», 1974).

Только плоские вещи, как то: вода и рыба,
слившись, в силах со временем дать вам ихтиозавра.
(«Кентавры II», 1988).

В дальнейшей периферии входят тематические группы, значения которых образуют общечеловеческие категории и создают философскую направленность поэзии И.Бродского. Особое место в его наследии занимает язык, что подтверждается как самими поэтическими текстами, так и размышлениями на данную тему в эссе и многочисленных интервью автора. Такое отношение к языку позволяет охарактеризовать И.Бродского как лингвоцентрического поэта, то есть поэта, для которого языковая рефлексия является доминантой творчества. Характерной чертой его поэтики является разделение на язык и речь, основанием для которого – так же, как и для вещи / эйдоса – выступает воплощенность или невоплощенность конкретной субстанции. Этот же механизм действует и для ТГ-15 со значением 'архитектура, скульптура, памятник', где «памятник», например, может употребляться сразу в двух значениях: основном словарном и культурном, ведущим свое происхождение от оды Горация и понимаемом как бессмертие поэтического творчества автора, заслуженное им благодаря новаторской деятельности в области языка (при реализации этого значения ТГ-15 пересекается с ТГ-6). Номинируя лексемой «вещь» язык и речь, поэт актуализирует внутреннюю форму слова, сводит в одном контексте этимологически родственные слова [13,10], то есть расширяет синтагматические связи слова путем реконструкции стертых значений. Связь *архитектура, скульптура, памятник – вещь* более очевидна:

реализовано 2 значение («Большой толковый словарь русского языка») лексемы «вещь» '*разг.* произведение искусства, науки'. В контекстах, где наряду с этим значением присутствует значение 'материальный предмет', можно характеризовать как метонимический перенос с части на целое или, наоборот, с целого на часть – в зависимости от контекста.

Употребление лексемы «вещь» по отношению к ТГ–9, ТГ–11 и ТГ–14 можно объяснить нежеланием автора называть время, жизнь, смерть их именами и пониманием их как табуированных, но этот принцип выдерживается не во всех случаях, скорее, здесь имеет место авторская метафора, основанная на категориальном сдвиге, и, так как компоненты метафоры далеки друг от друга по значению, – метафора-загадка.

К дальней периферии относятся также сравнительные обороты, фразеологические сочетания с лексемой «вещь» и ее коннотированные значения, например: «Он выражает беспартийный взгляд // на вещи, на явления, – в основе // своей диалектический», «В подобном рассмотрении вещей // есть нечто обезьянье, ей-же-ей», «Дать это вслух, крикливо, // мыслью о смерти – частой, саднящей, вещной» в контексте актуализируется признак 'неприятно, тяжело'; все остальные случаи маркированы стилистически (помета *разг.*) – «Так что лужица // подле вещи не обнаружится, // даже если вещица при смерти», «Порой из кают-компаний раздаются аккорды последней вещицы Брамса», «Обсуждали начатую вчера // тему бессмертья, “Мысли” Паскаля, последнюю вещь в “Ла Скала”», «Хотя вообще-то в ход пошла вещица в Лондоне // при нежном Бреммеле и гордом Джордже Гордоне».

Строение ближней и дальней периферийных зон основано, в основном, на метафорических переносах, изучив структуру которых, можно постигнуть иерархию семантического поля, ибо «метафора вскрывает механизм формирования семантических полей» [7:442]. Таким образом, описание зон периферии позволяет выделить основную тенденцию развития «семантической поэтики»: расширение языкового значения за счет восстановления стершихся связей, использования всего диапазона значения – от бытового до философского – учета лингвистической природы имени (его семантической опустошенности и способности выступать в роли субститута).

Опыт идеографического анализа лексической системы стихотворений И.Бродского показал, что, используя языковые потенции лексемы «вещь», поэт предельно расширяет сферу ее употребления посредством восстановления внутренней формы слова и утраченных сочетательных связей, оперирования бытовым, высоким и философскими значениями имени, а также их совмещения в пределах одного контекста. Учтены и такие характеристики лексемы, как способность выступать в роли перифраза, выполнять анафорическую и дейктическую функции; переносные значения

лексемы «вещь» образованы в соответствии с пониманием предметности как лингвистической категории. Так, объектом рассмотрения становится широкое понимание вещи, включающее в себя собственно вещи, лица, вещества, организмы, живые существа.

Литература

1. Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского. В VII тт. (Т. I – IV) - СПб., 2001.
2. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста - Екатеринбург, 2000
3. Виноградова В.В., Гаспаров М.Л., Ковтунова И.И. и др. Очерки истории языка русской поэзии XX века: тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке - М., 1995.
4. Казарин Ю.В. Поэтическое состояние языка [попытка осмысления].- Екатеринбург 2002.
5. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. - М., 1978.
6. Полевые структуры в системе языка / Под ред. З.Д. Поповой. - Воронеж, 1989.
7. Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры. - М., 1990.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации. - М., 1999.
9. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. - СПб., 1993.
10. Хайдеггер М. Время и бытие. - М., 1993.
11. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. - М., 1997.
12. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка. - М., 1958.
13. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. - М., 1964 – 1973.
14. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. А.М. Кузнецова. - СПб., 2001.